Юр. ЗУБКОВ

План подготовки к II съезду писателей Российской Федерации предусматривает проведение пленарных заседаний различных комиссий Союза писателей РСФСР. Вчера состоялся пленум комиссии по драматургии и театральной критике. С докладом выступил заместитель председателя комиссии, главный редактор журнала «Театральная жизнь» Ю. А. Зубков.

В основе публикуемой статьи содержатся положения этого доклада.

«Литературная Россия» приглашает драматургов, критиков, читателей высказаться по проблемам, поднятым Юр. Зубковым.

КРУПНЕЙШЕЕ всемирно-историческое событие определяет содержание тех шести лет, что отделяют второй форум писателей России от первого. Это событие — XXII съезд КПСС, принявший новую Программу партии. Идеи этой программы, наметившей курс к коммунизму, определяют и круг основных проблем, рассматриваемых нашей литературой и нашим искусством, и в частности драматургией и театром, в эти годы, характер происходящих сегодня художественных процессов и творческих поисков художников самых разных склонностей, пристрастий, индивидуальностей.

Человек и создание того общества, которое, освободив людей от социального неравенства, от всех форм угнетения и эксплуатации, от ужасов войны, даст возможность каждому наиболее полно раскрыть себя, проявить все свои способности и таланты, поставив их на службу интересам всего общества, явились центральным вопросом повестки дня XXII съезда партии, провозгласившего: «Все во имя человека, для блага человека».

И именно во имя человека, для блага его, ради утверждения его могущества поднялись советские люди в космос. Осваивая космические пространства, советский народ утверждает торжество не только советской научной мысли, но и торжество того, кто эту мысль рождает и превращает в дерзновенную материальную силу.

Отсюда понятен повышенный, обостренный интерес, который проявляют наша литература и искусство к человеку, к его духовному миру, к тем социальным, политическим, нравственным истокам, которые дают возможность ему совершать чудеса, не имеющие примера во всей многовековой истории человечества. К обыкновенному, рядовому человеку — хочу подчеркнуть я особо! К потенциальным духовным возможностям этого человека.

У НАС много за последнее время говорят и пишут о процессе демократизации литературы и искусства, усматривая существо этого процесса в смене героев, в том, что якобы на место генералов, директоров, академиков и им подобных приходят в качестве основных, исследуемых и воспеваемых художниками персонажей люди без особых чинов и званий — шоферы, трактористы, стюардессы, солдаты. Однако утверждать подобное — значит забывать о том, что нынешние академики, генералы, директора были в свое время и солдатами, и подсобными рабочими, вместе со всем народом прошли долгую и трудную историческую дорогу. Утверждать подобное — значит воздвигать рубежи и водоразделы между людьми, начинающими свой жизненный путь, и людьми, находящимися уже в зените своего пути. В ином вижу я суть демократизации нашего искусства: в духовном, политическом, нравственном росте (по сравнению с предшествующими годами) его героя — обыкновенного человека.

Один за другим выходили они на сцену в эти годы, герои разного возраста и разных характеров, разных профессий и разного общественного положения: агроном Хижняков и офицер Платонов, рабочая девчонка Лелька и колхозная стряпуха Павлина Хуторная, экскаваторщик Сергей Серегин и инженер Елизавета Никандровна. И для каждого из них характерно новое отношение к труду и людям, к дружбе и любви. Едва ли не впервые в нашей драматургии мать оказывается способной встать выше минутной жалости к своему сыну и, думая о его судьбе, возвести повседневные житейские вопросы на уровень главных, коренных нравственных проблем времени. Едва ли не впервые в нашей драматургии наиболее женственная женщина идет в любимом начале человечности и поэзии, определяет его человеческую ценность, его достоинство характером отношения к ней, степенью его уважения к ней. Едва ли не впервые в нашей драматургии значение человека проверяется его отношением к окружающим людям, его потребностью быть этим людям полезным и нужным, силой его стремления побудить другого человека к движению вперед, к духовному росту, готовностью ради этого на время вступить с этим самым человеком в единоборство — против него ради него самого.

Нравственный подвиг вышеволокной ткачихи Валентины Гагановой, перешедшей из преуспевающей бригады в отстающую, к счастью, почти не породил пьес, которые бы всего лишь проиллюстрировали историю ее поступка, еще для многих на первых порах казавшегося необычным и даже неразумным. Но, к еще большему счастью, «гагановское» начало, «гагановские» побудительные мотивы, «гагановский», если хотите, характер мы обнаруживаем у целого ряда героев нынешней драматической литературы. И у героя драмы Николая Вирты «Дали неоглядные» Хижнякова, сменившего обжитое и обеспеченное место на пост председателя полуразваленного и полурастраченного колхоза и положившего все силы своей души на то, чтобы помочь людям освободиться от оседлавшей их на годы неволи. И у героя пьесы Александра Штейна «Океан» Платонова, не боявшегося возложить на свои плечи полную ответственность за тяжкий дисциплинарный проступок своего товарища, которого важно сохранить на флоте — важно и для него самого, и для флота. И для героини народной драмы Дмитрия Зорина «Весенний гром» Ольги Крутойровой, не щадящей себя, своего чести завоеванного и заслуженного авторитета в борьбе против дутых показателей и формально-го, казенного благополучия во имя правды и счастья людей.

В этом дальнейшая подлинная демократизация советского искусства, отражающая демократизацию и самой нашей жизни, а не в мнимой смене одних героев другими. Примечательно, что авторы многих пьес подмечали в жизни людей черты очень важные, типичные для процесса все возрастающей ее демократизации. Не потому ли произведения, написанные несколько лет назад и порой уже сошедшие со сцены, приобретают сегодня особую актуальность и остроту? Сегодня, когда партия с новой силой подчеркнула, насколько чужды ей, самому духу нашей жизни «прожектерство, скоропелые выводы и поспешные, оторванные от реальности решения и действия, хвастовство и пустозвонство, увлечение администрированием, нежелание считаться с тем, что уже выработала наука и практический опыт».

Разве не получают в наши дни от самой жизни новый заряд остроты и актуальности такие фигуры, как поставившие себя над колхозной массой, задубевшие в своем самомнении и показом величия Маршалов из «Весеннего грома» Д. Зорина и Линьков из «Хозяина» И. Соболева? И то, что искусство вместе с жизнью развенчивает подобных людей, любые разновидности пережитков периода культа личности, выражает истинно демократический, народный, партийный характер нашего художественного творчества.

БЫЛО БЫ, однако, неверно умолчать о тяготении некоторых драматургов к изображению внутреннего мира людей, плетущихся по обочинам жизни и находящихся с действительностью в полном или частичном разладе. Скорее всего, и не было бы в этом тяготении некоторых художников к «микромунду» так называемого маленького человека ничего дурного, если бы, во-первых, оно, тяготение это, не выдавалось тут же самими авторами и иными критиками за новое слово в искусстве, не объявлялось главной чертой процесса его все возрастающей демократизации; и рассматривался бы, во-вторых, этот «микромунд» не с позиций ущемленного и уязвленного индивида, а с позиций народа, занятого громадным и кипучим созданием нового мира.

Припомним ряд пьес, лидирующих на афишах многих театров. Внешне безобидные всевозможные «Лунные сонаты» и «Жены товарищей», «Чемоданы с наклейками» и «Безупречные репутации», «Женские монастыри» и «Вендетты» принимают образ человека, обедняют и окра-

годня оплодотворяющая многие его творения. Не менее одинокого, чем в володинском «Назначении», встречаем мы старика в новой пьесе Георгия Мдивани «Твой дядя Миша». Но разве нам хочется его пожалеть, и разве допустит он хотя бы на минуту эту самую жалость? Нет, он и остался одинок, этот дядя Миша, потому что всю свою жизнь служил большому делу, великой идее и не мог идти на компромиссы и уступки даже ради той, которую очень любил. Он остался одинок еще потому, что через всю жизнь пронес эту свою несостоявшуюся любовь. Так разве жалости он достоин, а не восхищения! Да и сейчас, выйдя на пенсию, он ни в малейшей степени не чувствует себя не у дел: его кровная забота, личный долг передать идущему следом за ним поколению те драгоценные крупницы революционной энергии, которые наполнили его собственную жизнь смыслом, осветили ее.

Стремление писателя возбудить жалость к своему герою чаще всего бывает связано с потребительским отношением к действительности, пронизывающим произведение даже вне зависимости от субъективных намерений автора. Художник жалует героя, обойденного жизнью, не задумываясь по-настоящему над тем, а что он сам, герой этот, дал и дает жизни. Активное, творческое, хозяйское отношение к действительности отличает обычно те произведения, где главными героями выступают характеры энергичные, волевые, упорные, движимые высокой, благородной гуманистической целью, непримиримые ко всему косному, отживающему.

Никому, вероятно, не придет в голову заподозрить в потребительском подходе к действительности героя пьесы Леонида Зорина «Друзья и годы» инженера Платова, всю жизнь отдавшего людям, их благу и счастью. Писатель осуждает в этой пьесе не только откровенного эгоиста Державина, ловкую и нечистоплотную карьеристку Надежду, но и прожившего жизнь честно, однако без огонька и творческого взлета Костанецкого. И как же обидно, что в следующей своей пьесе «Палуба» драматург, возможно, даже незаметно для себя, выдал за героя наших дней человека, относящегося к действительности чисто потребительски, не замечаящего того нового, что ежедневно утверждает себя в жизни и человеческих взаимоотношениях, покорно поднимающего руки перед обступающей его обыденщиной.

ВРЕМЯ. ЧЕЛОВЕК.

дывают его, дела загадкой для потомства — как же смогли духовно низкорослые и тщедушные люди преобразить в наши дни лицо земли, штурмовать космос.

Как ни парадоксально звучит, но иные литераторы, справедливо выступающие против сталинского определения рядового человека как «винтика» в государственном механизме, в своей художественной практике при изображении этого человека вольно или неволью следуют этому определению. Пример тому шедевр до недавнего времени на сцене Московского театра имени М. Н. Ермоловой пьеса М. Шатрова «Глеб Космачев». Герой-одинок, выступающий против несправедливости и злоупотреблений, и толпа, пассивно страдающая до той поры, пока этот «герой» не приводит ее в действие, — вот концепция произведения, в весьма малой степени выражающая реальные взаимоотношения людей в нашем обществе.

В связи с общими процессами развития литературы и искусства остро встает вопрос об отношении художника к изображаемому им человеку, об отношении, которое он стремится вызвать к своему герою у читателей и зрителей. Если одни писатели предлагают нам изображаемых ими персонажей любить, уважать, ненавидеть, то другие, исходя из мысли о том, что «доброе слово и кошке приятно», стремятся возбудить в наших сердцах преимущественно чувство сострадания или жалости. Не задалась у людей жизнь: он мечтал стать инженером, а стал шофером, да еще на далекой северной стройке; она мечтала о семье, а так бобылкой и прожила все годы. — давайте их пожалеем. Худо людям: оставшийся без семьи старик в одиночестве доживает свою жизнь, предаваясь воспоминаниям да мечтам о покупке холодильника; морально нестойкая девица, мечтающая о замужестве, торопливо меняет друзей, не придавая своим связям, как она сама говорит, особого значения; молодая женщина пытается в порыве ревности отравиться — давайте и их пожалеем. Доброе слово, повторяю, и кошке приятно!

Я умышленно заимствовал эти примеры из творчества одного драматурга — Александра Володина. Они в силу этого не случайны, а как бы выражают авторское кредо, авторский взгляд на жизнь и на людей. Еще и еще раз напоминают они о том, что, как бы ни был зорок писатель на частные подробности жизни, как бы ни был он талантлив и сноровист в живописании людей и их быта, он неизбежно окажется далеким от правды нашей жизни, если не почувствует ее упруго и стремительного пульса, ее поступательного движения. Главная линия развития литературы и искусства — партия всеполюснее укрепляет их связи с жизнью народа, в правдивом и высокохудожественном отображении богатства и многообразия социалистической действительности. Искусство социалистического реализма — искусство, пронизанное духом партийности и народности.

Возбуждать не жалость к человеку, а гордость за него, за силу его сопротивляемости обстоятельствам жизни, за его героизм и силу души, величие дел — вот подлинно горьковская традиция нашего искусства, и се-

НЕВИДАННОЕ доселе утверждение гения советского человека в развитии человечества привело, как это ни странно, отдельных наших художников и критиков к забвению классового, социального содержания понятия «гуманизм».

Гуманизм гуманизму — разнь. Об этой азбучной истине можно было бы, вероятно, и не говорить, если бы несколько лет назад некоторые наши театры не открыли с гостеприимностью, достойной лучшего применения, свои двери для произведений зарубежной буржуазной драматургии, пронизанных абстрактным гуманизмом, смазывающих остроту социальных и политических противоречий.

В содержание понятия «социалистический гуманизм» входит забота о благе общества и забота о благе каждого человека в их неразрывном единстве, воспитание в советских людях таких качеств, как высокая принципиальность и политическая зрелость, творческое, активное отношение к жизни, забота о сохранении и приумножении общественного достояния.

В свете всего сказанного выше особенно отрадно появление в последнее время таких пьес, как «Берегите живых сыновей» и «Демидовы» А. Софронова, «Ленинградский проспект» и «Объяснение в ненависти» И. Штока, «Где-то совсем рядом» и «Чти отца своего» В. Лаврентьева, «Одержимая» Н. Шундика, «Гордячка» Т. Ян, «Ложь для узкого круга» А. Салынского, «Тревожное счастье» К. Финна. Написанные на разные темы, с разной силой таланта и мастерства, пьесы эти пронизаны гордостью за человека — творца новой действительности, направлены на развенчание всех тех, кто хочет, получая побольше от людей и жизни, взамен им ничего не давать.

Высокой мерой нравственной и политической зрелости судят авторы этих пьес кулака, в душе заглядывающего в нынешний день из дня вчерашнего, старика Гордея Кичигина («Чти отца своего») и юного нахлебника у жизни, склочника и подлеца Аркадия Колокольникова («Тревожное счастье»); эгоистку Клавдию Бояринову, авантюристические замыслы которой не выходят за пределы среды довольно ограниченной («Ложь для узкого круга»), и пустозвона и демагога Карданова, пытавшегося навязывать свою волю партии и народу («Демидовы»). Дух социалистического гуманизма, выше всего ставящего интересы народа, составляет сильную сторону этих произведений.

Идея гуманизма «вообще», человечности «вообще» выгодна нашим идеологическим противникам. Но мы не приемлем мирного сосуществования идеологий — социалистической и буржуазной. Подлинно общечеловеческое, в нашем понимании, пронизано идеями социализма и коммунизма, борьбы с империализмом и его человеконенавистнической идеологией. Истинный гуманизм и интернационализм неразрывны меж собой. И здесь наша драматургия находится еще в очень серьезном долгу перед временем. Поэтому каждая серьезная попытка, каждый художественный поиск наших драматургов в этой области требуют бережного внимания и поддержки. Но, отмечая добрым словом такие пьесы, как «День рождения Терезы» и «Украла консула!»